

Морозов В. И. Иванов

184-86

18 января 1986 года

Судьбы магнитогорцев

Наши публикации

ПОДВИГАРТИСТА

Мне давно хотелось рассказать о человеке с необычайно яркой судьбой. Он прожил только 46 лет, но каждый день его был на таком высоком накале духовных и физических сил, столько он сделал для людей, так был беспощаден к себе и счастлив, постоянно борясь и побеждая, всегда имел высокую цель, что забывать о нем нельзя.

Он был отважным воином и талантливым артистом. Зенит его творческого пути, наивысший расцвет таланта связан с Магнитогорском. Поэтому в дни полувекового юбилея Магнитогорского драматического театра, который в эти январские дни отмечается общественностью, уместно рассказать о заслуженном артисте РСФСР Викторе Ивановиче Морозове, а задолго вспомнить плодотворные для театральной жизни города шестидесяти годы.

МУЖЕСТВО

Театру, как всякому живому творческому организму, свойственны и постепенный рост, и стремительные взлеты, спад, и взятие новых высот. Ступенчатое, как, что в последние годы некоторые ведущие артисты, полюбившие зрителей развлекаться, то возвращаясь в восстановленные города, то получив приглашение в областные или столичные театры. В 1960 году возглавил театр главный режиссер заслуженный артист Казахской ССР А. А. Резинин. За художественное руководство Магнитогорским драматическим театром ему впоследствии было присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР. Вдумчивый, требовательный художник, любящий и понимающий актера, человек высокой культуры, умеющий упорно и результативно работать, А. А. Резинин искал актеров-единомышленников, чтобы укрепить состав труппы свежими силами.

По его приглашению в 1962 году пришел в Магнитогорск из Тулы В. И. Морозов и сразу же был принят в труппу, хотя и работал в крупных городах с прекрасными режиссерами. До обидного короткая судьба этого актера была удивительной, похожей на романтический вымысел. Но передо мной — пожелевший, подклеенный листок — боевая характеристика, подписанная командованием 161-го стрелкового полка, кавалера ордена Красной Звезды старшего лейтенанта В. И. Морозова. Из характеристик мы узнаем: «Он предан делу партии и Родины, морально устойчив и политически развит, умеет строго хранить военную и государственную тайну. Общее развитие отличное. Чрезвычайно вынослив в походах и полевой жизни... Показал себя храбрым, мужественным и бесстрашным преданным своему делу офицером».

А дальше факты — поразительные, но достоверные.

«Так, в бою за деревню Сулопичи в период контратаки противника с нашими дружинами противника вывели бойцов, сам поднал свои и 8-й стрелковый батальон в атаку, в результате которой противник был отброшен.

В бою за станцию Фаниполь старший лейтенант Морозов, будучи контуженным, не оставил поля боя, а лично повел в атаку батальон, уничтожил и взял в плен группировку противника и штурмом овладел станцией Фаниполь. В этом бою старший лейтенант Морозов В. И. из личного оружия уничтожил 17 гитлеровцев...

Далее при выходе на Минское шоссе батальон старшего лейтенанта Морозова В. И. был окружен в лесу 20 танками и 300 гитлеровцами. Благодаря умелому и хладнокровному руководству Морозова 1 стрелковый батальон прорвал окружение, оставив на поле боя 5 танков противника и до 250 убитых гитлеровцев.

При форсировании реки Днепр командир батальона Морозов В. И. первым переправился через преграду и руководил 18-часовым боем до подхода главных сил дивизии».

Читаешь эти скрупулезные и точные строки документа — и думаешь: истовое, с огромным житейским и воинским опытом, подготовкой. Иначе откуда — хладнокровие, воля, выдержка?

А у этого опытного офицера на груди — комсомольский значок, и с последующей фотографией — солдатский доверчивый глазами юноша, почти мальчишка. Восемнадцатилетний комсомолец, окончивший в первый день войны первый курс театральной училища в Одессе, через день подполковник с просьбой отправить его в действующую армию. 18 июля добровольцем — рядовой стрелкового полка отправился на Юго-Западный фронт, а 12 августа уже участвовал в боях на Днепростровском направлении. Не прошло и месяца, как за выполнение задания в разведке он был награжден медалью «За отвагу». Раннее в руку, сосчитав и снова в бой, снова ранение — осколками перебиты обе руки. После госпиталя в составе танковой бригады он воюет на Курском направлении. В этих жестоких боях он отмечен второй медалью «За отвагу». Третье ранение тоже тяжелое, в живот. После госпиталя (ускоренный курс) — и уже в звании лейтенанта он направляется в 62-ю армию генерала Чуйкова в Сталинград, командовать стрелковым взводом, а затем ротой. Участвовал в разгроме немецкой группировки, заслужил орден Красной Звезды и третью медаль «За отвагу».

Потом — Белорусский фронт и ранение в ногу. Из госпиталя — путь в 161-й стрелковый полк командиром батальона и подвиг за подвигом, записанные в боевой характеристике. Старший лейтенант Морозов в 20 лет удостоен второй ордена — Отечественной войны первой степени. Летом

нитого хирурга Н. Н. Бурденко. Только он один может сделать такую операцию у сердца! Но на его ответственности вся медицинская служба армии. Разве ему сейчас до скальпеля? И тогда Морозова телеграфируют Полковнику Аверьянову: «Немедленно приехать». Хотя знает, что и этого почти невозможно. Дороги разбиты и занаты, пассажирского сообщения нет. И все же старая женщина — он уже за шестидесять — добирается на платформах, в теплушках, даже на крыше вагонов. Она находит тот вагон-салон, умоляет строгую охрану допустить к самому Бурденко. «Нельзя!» И вдруг отчаянный крик слышит сам Бурденко.

— Мать, говорите, явится ко мне? Простите.

Николай Иванович подлил ее, ослабевшую, на ноги и коротко бросил: «Пусть готовит!»

Академик, ученый с мировым именем, сделал уникальную операцию, тотчас уехал, оставив запись: «Героическая у вас мамаша, товарищ Морозов, Бурденко».

Так, уже отославший, списанный в запас, Морозов был поставлен матерью в родной дом. Родные буквально не знали, кто такой этот человек. Шесть ранений (четыре тяжелых) — шесть красных и желтых нашивок на обшивке гимнастерки, 25 операций, все 46 килограммов при богатом росте! Но была неистребимая воля к жизни, к труду, и была большая цель.

В книге «Начало» приводится такой эпизод, относящийся к последним дням жизни великого артиста:

«Он был уже в Кремлевской больнице, когда пришло письмо от молодого актера В. И. Морозова, фронтника-орденоносца (Одесса). Он прислал фотографию Началова, вырезанную из журнала «СССР на стройке». С этой фотографией семнадцатилет-

писанные им на подаренном тогда еще начинающему артисту портрете: «Дорогой мой, если ты когда-нибудь скажешь, я — мастер, считай, что ты уже покойник...» Морозов так не скажет, невзирая на явные успехи. Его работа в Южно-Сахалинске была отмечена Грамотой Главного политического управления Вооруженных Сил за создание образов Ф. Э. Дзержинского, С. Павла, Н. Э. Баумана и Павла Корчагина.

Затем были Казань, Ульяновск, Тула... Но Морозов продолжает мечтать о Гамлете. И эта мечта совпала с желанием главного режиссера Магнитогорского драматического театра, пригласившего его. Теперь А. А. Резинин может осуществить «шекспировский год» и свою мечту — герой для бессмертной и лучшей трагедии в мировой драматургии есть.

Черновой работы и творческих мук мы, зрители, не видели. Мы были благодарны за правду на подмостках, за которой стояла сама судьба. Словно чувствуя, что жизнь ограничена, Морозов старался утолить жажду к труду, а она становилась сильней и сильней. Он выступает по телевизору, готовит содержательные программы, беседы о театре и спектаклях Цикл из советов Шекспира и другие его выступления всегда были высокопрофессиональными и вдохновенными. С полной отдачей он работал и с драматическим коллективом учителей, и проводил многочисленные беседы и встречи в школах, заводских цехах. Он консультировал учащихся художественной самодеятельности по технике грима и беседовал с учителями области по вопросам этики, составил и редактировал буклеты в гастрольном театре и рассказывал школьникам о жизненном и творческом подходе Мусы Джалиля с одинаковым чувством ответственности.

Работа над телевизионным фильмом «Бессмертная песня» на Челябинской областной студии вошла в «золотой фонд» и демонстрировалась несколько раз. Этот моноспектакль, поставленный народным артистом РСФСР Н. А. Медведевым, не оставляет зрителя равнодушным. На экране за волнующей режиссурой Моейской торжественно нахмуренный пылает, но не скомканый улик. Полосатая куртка, торжественная шапочка, заросшее щетиной лицо и — горящие ненавистью к врагу и любовью к Родине, к жизни, полные веры в справедливость глаза.

Звучат строки Джалиля, обращенные к дочери, к любимой жене, к родному краю. Стихи, обращенные к будущему, полные света. Стихи перед казнью. Бешеное — ничего не происходит, никаких событий. Только жажда жизни — в глазах, в движениях, в каждом слове. Для монолога 15—20 минут — очень много. Но Муса Джалиль — Морозов проживает жизнь вместе с нами, зрители, экран гаснет, а потрясение не проходит.

«ГАМЛЕТ» НА МАГНИТОГОРСКОЙ СЦЕНЕ

Новый актер сразу полюбил наш город, его людей, театр и сразу ушел в любимую работу с головой.

«Очень хотелось вновь встретиться с приемом датским, — изведовалось он в одном из писем. — И вот привелось. На этот раз с А. А. Резининым. Вообще бытует неверная теория, что роль, которую сыграл ранее, репетировать с новым составом легко и просто. Это отнюдь не так. И надо отлаживать, — А. А. Резинину, — он очень педагогично и осторожно обращался со мной на гамлетовских репетициях. Скоро уже будет 200 сыгран-

много советов. Как нам кажется, это и помогло сделать постановку «Стройфронта» яркой, интересной».

Начались поиски участников строительства первой плотины в Магнитогорске, Москве, Ленинграде, переплы с ними, встречи с ветеранами стройки, женой драматурга А. И. Завалишиной, подбор материала и организация встреч постановочного коллектива «Стройфронта» с участниками событий, описанных в пьесе. Подбор литературного и иконографического материала для подготовки спектакля «Стройфронт» также занял много времени.

Этот спектакль до сих пор сохраняется в памяти старосилов. Затраченный всем коллективом труд принес истинную радость, возродил забытое прошлое ради будущего. В Морозов исполнял в нем роль начальника строительства Стананова (образованном по Степанов) Человек огромной воли, творческой мысли, подлинный герой времени, всеобщий артистический овалевал зрителями, ему хотелось подражать. На Всероссийском смотре спектаклей, посвященных 50-летию Великого Октября, спектакль был удостоен диплома I степени, награжден Почетной грамотой Министерства культуры Союза ССР, стал лауреатом областной комсомольской премии «Орленок».

ЕГО ЛЮБИЛИ ВСЕ

Врачи строго предписали Морозову отдых, наблюдение и лечение в стационаре перед выездом на сцену. Но Морозов не хотел. Он повторял: «Я готов, я готов». И Морозов это знал, готовясь к не долгой профилактике по-своему: подбирал... книги.

Мы были и соседями, и друзьями — Виктор Иванович с женой актрисой Анной Сергеевной Мартыновой (она по сей день работает в театре) едва ли не каждый вечер заходили к нам после спектакля на огонек, чтобы отвлечься, хотя разговоры наши были снова о литературе, о театре, об искусстве, и я была в курсе всех дел и забот этой театральной семьи.

Майским вечером неожиданно во дворе кто-то на меня набросился и закружил прямо в вихре белил, которое я снимала с зеркала. Это был он, наш вечный молодой Гамлет!

— Сейчас позвонили из «Челябинского радио» завтра публикуют Указ о присвоении мне звания. Победу встречать супругу, порадуюсь...

Теперь никакими уговорами не удалось уложить Морозова в больницу. Он воспринял звание заслуженного артиста РСФСР как полное признание ответственности. Надо немедленно ехать в Костромь, готовить исполнителей массовых сцен, участников самодеятельности — пионеров, заняться рекламой...

Кострома приняла спектакли магнитогорцев хорошо, зрители сердечно встретили на сцене В. Морозова как давнего знакомого, известного им по гастрольям.

Перед очередным спектаклем выдался свободный час, можно написать маме и сестре (отец недавно скончался) обо всем, о себе, о театре, поделиться радостью... Письмо осталось неотправленным.

этаке вросшего в землю старого двухэтажного дома жили родители Виктора Морозова и сестра с мужем. Здесь и вырос «последний ребенок», оный любимый Витя. Когда он родился, матери был 41 год, а сестре — 15 лет. Отец Иван Александрович — механик, искусный резчик по дереву, работавший одно время заведующим постановочной частью в оперном театре. Он любил искусство, а его резные работы отличались редкостным мастерством. Они украшали опрятную квартиру, установленную старым, но большим, чем резные картины, рамы и шкатулки; создавали уют гостеприимного жилища. Родители воспитывали в сыне человека, уважающего в нем личность. Воспитывали и скупым, и примером, выжила во все пионерские, а потом и комсомольские дела и заботы. Из этого дома он ушел на фронт. А родители вместе пережили жестокие дни оккупации, а после освобождения Одессы пришла к ним первая весть, официальная: «Ваш сын, боец 98-го стрелкового полка, Морозов Виктор Иванович, проявив мужество и героизм, пал смертью храбрых и похоронен с воинскими почестями, деревня Липовка Харьковской области».

Но мать не хотела верить, хотя есть и обелиск, и родное имя на нем. А раненый Виктор Морозов тем временем достиг полка, дал весточку родным, участвовал во многих боях и снова попал в госпиталь. Оттуда мог и не вернуться. Оперировать нельзя, а без него — у сердца, мятая в шоколадной сумке, сознания нет, жизнь на волоске.

И вдруг — случайное совпадение: хирург госпитали осторожно сообщает:

— Поступил ваш сын, госпитализированный. Имя, отчество — все совпадает!

Хирург Морозова всматривается в лицо: «Не он!» Мало ли воюет Морозовых, имя тоже распространено. Но теперь этот юный офицер ей как сын. Ей известно, что на запасных железнодорожных путях стоит вагон-салон главного врача армии — знаменитого профессора, да и драгоценное время не тратить. Затащил на место, мы решили отдохнуть. Подосел к нам, работник аптеки, аппаратчик. Поговорили о делах. Вдруг он как вскрикнул: «Ваша плет!» — так в то время называли директора комбината Г. И. Носова. Мы посмотрели в сторону тесной клетчатки и увидели, как по ней

ним мальчиком. Морозов пошел на фронт и пронес ее от Сталинграда до Варшавы. Несколько раз он был тяжело ранен, временно терял зрение и слух. Когда-то он услышал, как голос Началова по радио сказал: «Вур! Скоро грянет буря!» С этими словами Морозов дрался у стен Сталинграда, форсировал Неман и ворвался в Варшаву...»

НА ПУТИ К МАСТЕРСТВУ

Не прошло и месяца после демобилизации, как его зачислили в театральную студию при Киевском драматическом театре Советской Армии, находящемся в Одессе, во вспомогательный состав. Учился упорно, тайком от театра подрабатывая на жизнь то штурманом, то маляром.

В основной состав театра он был зачислен еще до окончания студии. «Мне повезло — посчастливилось работать с такими режиссерами, как А. Д. Дикин, В. Н. Корд, В. Ф. Федосин, В. М. Тихонович, А. М. Максимов», — вспоминал он впоследствии не раз. Он умел взять, вобрать в себя все лучшее, стремительно, развивая свои богатые задатки, набирать мастерство.

Но фронтные ранения давали острые сигналы. По окончании студии он взял направление в Калужский театр: «Юг противопоставил». Сыграл уже Кассио, Гамлета, пришлось и признание, но здоровье ухудшалось, и по совету врачей он выехал на Дальний Восток, поступил в драматический театр Советской Армии. В составе его труппы совершил настоящие подвиги в Китае. Но разве в Китае опаснее? Сердечные приступы преследуют, а работать вполнакала он не может.

Да, война ушла в историю. И можно ли сказать сейчас, когда набираешь силу мастерство? И разве можно забыть мудрые слова первого наставника — режиссера А. Д. Дикого, на-

писанные им на подаренном тогда еще начинающему артисту портрете: «Дорогой мой, если ты когда-нибудь скажешь, я — мастер, считай, что ты уже покойник...» Морозов так не скажет, невзирая на явные успехи. Его работа в Южно-Сахалинске была отмечена Грамотой Главного политического управления Вооруженных Сил за создание образов Ф. Э. Дзержинского, С. Павла, Н. Э. Баумана и Павла Корчагина.

Затем были Казань, Ульяновск, Тула... Но Морозов продолжает мечтать о Гамлете. И эта мечта совпала с желанием главного режиссера Магнитогорского драматического театра, пригласившего его. Теперь А. А. Резинин может осуществить «шекспировский год» и свою мечту — герой для бессмертной и лучшей трагедии в мировой драматургии есть.

ДАЕШЬ «СТРОЙФРОНТ»!

К полувековому юбилею Советского государства наш театр поставил пьесу первоисточника Магнитки Александра Завалишина «Стройфронт». Весь коллектив театра был вовлечен в работу, а она была сложна и начиналась с поиска живых прообразов — бывших комсомольцев, построивших плотину на реке Урал в баснословно короткий срок, почти вручную. — за 74 дня!

Написанная по горячим следам в 1931 году, пьеса была овеяна героикой, во многом документальна, правдиво отразила свое время. Ее невиданные герои преодолевали неверие, вынужденное, скрытое и явное вражеское сопротивление, немалые трудности. Как все это показать? Как дорисовать порой схематично намеченные образы? «Стройфронт» был поставлен в свое время в Москве как пьеса-репортаж. Она вновь оказалась нужной, и главный режиссер А. А. Резинин всех захватил идеей — возродить на сцене подвиг первых строителей социализма на нашей, магнитогорской, земле, ставшей странной историей.

В разгесе «Правда» от 14 июля 1967 года первый секретарь Магнитогорского горкома КПСС В. Дикитер в статье «Нивал связь времен», посвященной идеологическому воспитанию молодежи, называет спектакль «Стройфронт» большой школой воспитания на трудовых традициях, ставя его по силе воздействия рядом с другими событиями — слетом первых комсомольцев-строителей Магнитогорска.

«Идея постановки «Стройфронта» нашла горячую поддержку в горкоме партии, — пишет автор. — Конечно, нельзя было ограничиться только формальной поддержкой. Левоберезный райком КПСС привлек к обсуждению пьесы актив, и прежде всего ветеранов Магнитки, участников строительства металлургического комбината и города. Потом разговор перенесли в райком. Постановщик спектакля — главный режиссер театра А. Резинин, художник В. Кузьмин и ведущие артисты театра — выслушали

где ее взять? — Ну ладно, ребята, я помогу вам.

И Григорий Иванович пошел дальше. К нам подошел аппаратчик.

— Ну, теперь вам будет полезнее. У нашего директора мелочей нет, если он сказал — слово свершилось.

И вот чудо (именно так мы это и восприняли): на утро мы увидели электро-

Н. КОНДРАТКОВСКАЯ, член Союза писателей СССР, заслуженный работник культуры РСФСР.

НА СНИМКЕ: заслуженный артист РСФСР В. И. Морозов в роли начальника строительства Стананова в спектакле «Стройфронт».

Прочитал в газете «Магнитогорский рабочий» за 30 ноября 1985 года пол рубрику «Судьбы магнитогорцев» очерк «Стальной король», помещенный к 80-летию со дня рождения Г. И. Носова. Невольно вспомнил послевоенный 1948 год. Мы, работники управления «Электромонтаж», строили атолох. Нашей бригадой руководил опытный специалист бригадир Иван Сергеевич Соловьев. Предстояло установить электроподъемники большой мощности весом 250 и 350 кг. Очень много времени мы затрачивали на подъем двигателя на высоту 20—25 метров. Поднимали их вручную, по крутым ступенькам. Ол-трименты мы заготавливали наверху электроподъемника весом 350 кг. Много при-

шло потопить, да и драгоценное время не тратить. Затащил на место, мы решили отдохнуть. Подосел к нам, работник аптеки, аппаратчик. Поговорили о делах. Вдруг он как вскрикнул: «Ваша плет!» — так в то время называли директора комбината Г. И. Носова. Мы посмотрели в сторону тесной клетчатки и увидели, как по ней

поднимался высокий плотный человек. Подойдя к нам, он сказал: «Добрый день, как дела, ребята?» Подал каждому из нас свою огромную руку. Затем спросил, что мешает установить электроподъемник в более короткий срок, пояснил, что страна, залечившая военные раны, ждет от нас больше металла, а от пуска фабрики зависит многое.

— Григорий Иванович, можно ли быстрее установить электроподъемник? — А разве нельзя приспособить электролебедку? — Можно, — ответил Иван Сергеевич, — но

ЧИТАТЕЛЬ ОТКЛИКУСЯ ВСТРЕЧА

А. КРИВОБОКОВ.